УДК: 811[512.133:82-1]

СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОКСЮМОРОНА

В.А. Каращук, У.Ш. Баходирий

Maqolada poetik tilning muhim xususiyatlaridan biri bo‘lgan aniqsizlik tamoyilining shakllaridan bo‘lmish tugal ifodalanmaganlikning strukturaviy va semantik tabiati o‘rganilgan. Tugal ifodalanmaganlik badiiy nutqning oksimoron, metaforik epitet, kataxrezis, antiteza kabi majoziy leksik vositalari orqali voqelanadi. Mualliflarning e’tibori oksimoronning lingvistik parametrlarini va uning yuqorida aytib o‘tilgan stilistik vositalardan farqlarini tahlil qilishga qaratilgan.

Kalit so‘zlar: *paradoks, oksimoron, metaforik epitet, kataxrez, antiteza.*

В статье исследуется структурно-семантическая природа недосказанности как формы выражения принципа неполной определенности, являющегося одной из существенных особенностей поэтического языка. Выразителями этой недосказанности являются такие образные лексические средства художественной речи, как оксюморон, метафорический эпитет, катахреза, антитеза и другие. Внимание авторов сосредоточено на анализе собственно языковых параметров оксюморона и его отличий от вышеназванных стилистических фигур.

Ключевые слова: *парадокс, оксюморон, метафорический эпитет, катахреза, антитеза.*

Введение: постановка и разработка проблемы, актуальность и востребованность темы

В мировой лингвистике XXI века изыскания в области лингвостилистики, лингвокультурологии и лингвопрагматики выявляют значимые аспекты взаимосвязей между текстом, его функциональным использованием и культурными художественными контекстами.

Эти направления фокусируются на изучении важнейшей проблемы, связанной с тем, как язык отражает, формирует, хранит и транслирует социокультурные идентичности. Современная лингвистика активно разрабатывает подходы к описанию образных средств языка, среди которых заметное место занимает оксюморон. Эта фигура речи привлекает внимание исследователей благодаря своей способности выражать противоречивые стороны объективной действительности через сочетание концептуально противоположных элементов.

Изучение феномена оксюморона в разных языках позволяет глубже понять, как язык служит инструментом культурного самовыражения и взаимодействия в контексте глобализации и роста межъязыковых контактов.

В поле зрения языковедов Узбекистана находится востребованная проблема рассмотрения многоаспектности языка и его способности отражения и формирования идентичности культурных феноменов через лингвокреативную деятельность языковой личности.

Актуальность проведенной работы, описываемой в статье, заключается в том, что в ней акцентируется внимание на определении специфики глубинной семантики образных средств, репрезентированных в русском, узбекском и английском языках, что представляет собой новый подход в этом направлении.

Перед авторами статьи стояла цель построения структурно-семантической модели оксюморона на платформе сопоставления его с антитезой, катахрезой, метафорическим эпитетом. В процессе применения компонентного и дистрибутивного анализов выработана новая трактовка основного механизма формирования эстетической функции у оксюморона, расширено представление о его глубинной смысловой структуре за счёт соотношения его с другими стилистическими фигурами из его окружения.

Одной из важнейших задач современной лингвистики продолжает оставаться рассмотрение проблемы функциональной стороны языка

в свете новейшей антропоцентрической парадигмы. Особое внимание этому вопросу уделяет лингвостилистика, исследующая принципы, эффект выбора и описания вербальных средств для передачи информации, эмоции, экспрессии в разных коммуникативных ситуациях.

Для лингвостилистики в первую очередь важным является анализ эмоционально-экспрессивной функции, называемой также стилистической, с которой связаны выражения восприятия чувств адресанта и адресата.

«Задачей стилистического описания и стилистического анализа текста является рассмотрение взаимодействия предметно-логического содержания сообщения с информацией второго рода, то есть проявлениями эмотивной, волюнтативной, апеллятивной, контактоустанавливающей и эстетической функций» [1. С. 8].

Лингвистическая стилистика в её современном виде базируется на теоретических основах, разработанных Шарлем Балли, и, вместе с теорией литературы, входит в поэтику – науку о строении литературных произведений и системе используемых в них эстетических средств.

Теория эстетических средств языка и их классификация зародились в античных риториках и продолжают разрабатываться филологами нашего времени. Художественные средства литературы в современных штудиях имеют разные дефиниции: стилистический прием, фигура речи, троп, художественный образ. В науке нет общепринятого и точного определения этих «искусственных украшений», которые представляют собой гармоничное расположение слов, составляющих речь и передающих одухотворенную мысль, выраженную непривычным способом [2. С. 244].

Аристотель первым дал описание художественной речи как «отклоняющейся от обычной речи при помощи слов необычных, названных впоследствии тропами, в которых происходит изменение собственного значения слова или словесного оборота в другое, при котором получается обогащение значения» [3. С. 125].

Античные мыслители внесли существенный вклад в разработку теорий художественных средств и их классификации. Именно ими были определены дистинктивные признаки фигур речи, создание которых вызвано необходимостью наименования огромного количества предметов, признаков, качеств, действий и т.д.

Авторы современных таксономий художественных средств языка, подчеркивая условность и нечеткость границы между тропами и родственными им стилистическими приемами, выделяют у них такие интегральные признаки, как сочетание прямого и переносного значений, актуализация эмоционально-экспрессивной семы в смысловой структуре компонентов, в результате чего они выполняют стилистическую, или, иными словами, эстетическую функцию.

Стилистическая функция направлена на выбор языковых средств, искусственно подобранных определенным образом для достижения определенного эмоционально-экспрессивного эффекта при сохранении общей интеллектуальной информации. В узком смысле под этой функцией понимается использование вербальных единиц для выражения ими коннотативного значения дополнительно к общему предметно-логическому содержанию референта. К инвариантным стилистическим функциям традиционно относятся изобразительная и характеризующая, выполнение которых обычно берут на себя «семантические предикаты (прилагательные, глаголы, оценочные и отчасти функциональные существительные)» [4. С. 148].

Образное переименование денотата новым определением позволяет глубже понять сущность понятия, представить составляющие его элементы в наглядно-чувственной форме. Выразительно-характеризующая функция является действенным средством актуализации внимания адресата.

Одной из существенных сторон поэтического языка является его «недосказанность», которая порождается в тексте стилистическими фигурами как формами выражения принципа неполной определённости. «Поэтическая речь ничего не доказывает словами, слова группируются здесь так, что их совокупность дает образ: логическое значение этого образа неопределённо; зрительная наглядность тоже неопределённа. Мы должны сами пополнить живую речь познанием и творчеством» [5. С. 450].

В собственном лингвистическом плане стилистические фигуры, по определению Н.Хомского, являются «полуотмеченными структурами». «Отмеченные» структуры порождаются правилами грамматики; неотмеченные структуры для данного языка порождены быть не могут и в нем невозможны. В полуотмеченных структурах либо наблюдается несовместимость лексического значения и грамматической формы, либо лексическая несовместимость [6. С. 418].

В качестве примера, иллюстрирующего понятие «полуотмеченной структуры», ученый приводит фразу «Colorless green ideas sleep furiously», которая построена грамматически правильно, но

в плане лексической сочетаемости ее составляющих представляется парадоксальной.

Проблеме функционирования полуотмеченных структур в художественном тексте посвящено в настоящее время немало ценных работ. Исследователи опираются на словарные и энциклопедические источники, определяя глубинную основу исследуемого понятия, вносят в эти определения коррективы, стремясь уточнить, расширить, по-новому классифицировать художественные средства, в которых способ и техника выражения и изображения детерминированы логико-философской категорией парадокса. Ключевой становится проблема типологизации художественных средств, сформированных на платформе парадоксальности, среди которых выделяются оксюморон, катахреза, метафорический эпитет, антитеза.

Лексикографические источники не рассматривают парадокс в качестве разновидности образного средства. Однако в последнее время исследователи используют это понятие как разновидность тропов [7].

В филологию понятие парадокса ввели античные риторики, которые определяли его как высказывание вопреки общему мнению, противоречащее прежде пробужденному ожиданию. В расширенном понимании сущности парадокса его философская основа логичным образом вытекала из диалектического метода древних мыслителей, являясь одним из способов воплощения закона о единстве и борьбе противоположностей.

В современной теории поэтической речи и в лексикографических источниках парадокс представлен как художественный приём, основанный на противоречии заданному: общему мнению, стереотипу или намеренно созданному ожиданию. «Парадокс – выражение, в котором вывод не совпадает с посылкой и не вытекает из нее, а наоборот, ей противоречит, давая неожиданное и необычное её использование» [8. С. 442].

«Парадокс – это утверждение или изречение, противоречащее общепринятым понятиям или (часто только внешне) «здравому смыслу»» [9. С. 591].

В качестве релевантного дифференциального признака литературного парадокса выделяется логико-философская сущность этого понятия, которая отличает его функционирование от других образных средств противополагания – оксюморона, антитезы, катахрезы – за пределами только художественной речи. Будучи носителями «парадоксальности», которая является их образной основой, эти стилистические фигуры речи отличаются своими структурно-смысловыми особенностями как на поверхностном, так и на глубинном уровнях.

Анализ материала, методический инструментарий, результат

Оксюморон как центральная фигура в ряду вышеназванных образных средств языка художественной литературы, по мнению исследователей, отличается оригинальной смысловой структурой, взаимодействие элементов которой самым неожиданным образом порождает эффект парадоксальности [10. С. 238].

Как известно, законченной и общепринятой теории оксюморона нет. В отечественной лингвистике в последнее время интерес к этой фигуре речи заметно вырос [11; 12; 13]. В ряду научных работ, посвященных оксюморону, находится и данное исследование, выполненное в русле лексической семантики на материале русского, английского и узбекского языков с использованием метода оппозиции, описательного и сопоставительного методов с применением дистрибутивного, контекстологического и компонентного анализов.

В традиционном понимании оксюморон – это фигура речи, представленная на морфолого-синтаксическом уровне атрибутивным словосочетанием (A+S), где оба компонента употребляются в прямом значении и выражают противоречащие понятия, логически исключающие друг друга. В русском языке: «умная глупость», «веселое горе», «нищий богач», «богатый нищий», «звонкая тишина»; в узбекском языке*: gardon begona, nozik semiz, tirik murda, otashin muz, so‘zsiz suhbat*; в английском языке: beautiful ugly, idiot savant, living dead, frozen fire и др.

В поэтическом словаре А.Квятковского дается такое определение оксюморона: «Стилистическая фигура, сочетание контрастных по значению слов, создающих новое понятие или представление. Например, «сухое вино», «честный вор», «свободные рабы» и так далее» [14. С. 181].

Ср: «И вот встает знакомый незнакомец. И глухо говорит». (С.Маршак) “Uning yaramasligini bilishardi albatta, ammo baribir ko‘rganda o‘zlarini yo‘qotib qo‘yishardi: “Bilamiz, bilamiz – ablau, ablau, yaxshi ablah” (E.A’zam). “His humble ambition, proud humility, His jarring concord, and his discord dulcet” (W.Shakespeare).

Статус оксюморона как стилистического приема неоднозначен. Контекстологический анализ показал его сходства с такими изобразительными средствами, как эпитет, антитеза и катахреза.

Исследуя функциональный ареал этой загадочной лингвистической единицы в творчестве русских, узбекских и английских мастеров художественного слова, сопоставляя её с эпитетом, антитезой и катахрезой на семантическом уровне, нами был отмечен уникальный механизм, порождающий затейливую конфигурацию её образно-смысловой модели.

Рассмотрим это на примере. В бинарной конструкции «умный человек» прилагательное «умный» выполняет функцию эпитета, выделяя у определяемого слова «человек» новый признак, не входящий ни в его содержание, ни в его объём.

Выбор эпитета свободный. Он задан намерением отправителя речи указать на нужный для его творческого замысла признак в определяемом слове. Отношения между определением и определяемым логически правильные и лишены коннотации парадоксальности. Она (парадоксальность) возникает, например, у метафорического эпитета, когда в роли эпитета выступает окачествленное относительное прилагательное:

«пуховый ветер» (А.Блок), «чернильная прорубь» (А.Ахматова), «деревянный хохот» (А.Куприн), «каменное небо» (В.Маяковский), «железный стих» (М.Лермонтов), «хрустальный воздух» (А.Толстой) при восприятии прямого, а не переносного метафорического значения определения. Эффект выразительности в метафорическом эпитете достигается также за счет «недосказанности» и «неопределенности» переносного значения у прилагательного. Ср.: пуховый платок, но пуховый ветер. Почему ветер пуховый? Какое у него значение: «мягкий» или «легкий»? В этой неожиданности употребления слова, в неопределенности его переносного значения кроется его образность.

Налицо логически подтвержденная и определенная характеризующая функция прилагательного.

В конструкции же «умный дурак» употребление прилагательного «умный» оказывается фразеологически связанным: оно выступает в качестве антонима по отношению к смыслообразующему имплицитному признаку определяемого слова: «дурак» — «глупый человек». «Умный» – «глупый человек». Актуализация в семантике определяемого слова двух противоречивых признаков приводит к нейтрализации архисемы «глупый».

Эпитетная функция прилагательного в оксюмороне однонаправленная, выбор нужного определения предопределен: им может быть только антоним к релевантному «скрытому» признаку в смысловой структуре имени существительного.

Таким образом, парадоксальный характер оксюморона проявляется в том, что эпитет, выступающий в обычном атрибутивном словосочетании в качестве определения «внешнего» облика предмета, в оксюмороне является антонимом к внутреннему смыслообразующему признаку денотата. Тем самым происходит сдвиг в семантике определяемого слова и нарушается традиционная конструкция эпитета «определение предмета». Она заменяется формулой «определение – антоним к имплицитному признаку денотата». В смысловой структуре определяемого оказываются два противоположных, противоречивых и потому взаимоисключающих признака: «умный» и одновременно «глупый» человек. Это приводит к размытию границ внутри смысловой структуры денотата и возникновению неопределенного загадочного образа-фантома, требующего идентификации со стороны как отправителя, так и получателя речи.

В этом заключается уникальность и оригинальность «рождения» оксюморона как яркого представителя когорты художественных средств языка, обладающего чертами эпитета, метафоры, антитезы, но в то же время не похожего на них.

Следует отметить, что атрибутивное словосочетание, фигурирующее в поэтической речи в роли оксюморона как «украшение», в обычной речи может выступать в качестве терминологической конструкции, выполняющей идентифицирующую функцию: «сухое вино», «белый уголь», «жидкий газ» и др.

Специфическое выражение противопоставления в оксюмороне отличает его от антитезы. Сближаясь как выразители идеи противоположности, они различаются структурно и семантически.

Антитеза как единица художественной речи и стилистическое средство строится на противопоставлении однородных контрастных признаков денотатов, которые, в отличие от противоположных признаков в оксюмороне, в антитезе не являются противоречивыми и взаимоисключающими. Ср: «В массовом

движении участвуют и худые, и полные, и низкие, и высокие, и русые, и черноволосые, и робкие, и смелые, и слабые, и сильные, и мягкие, и жесткие индивидумы» (Г.Плеханов). Противопоставления логически правильные и не содержат элемента парадоксальности.

На поверхностном уровне антитезы обычно представлены единицами одного лексико-грамматического разряда, специализирующимися на выполнении в речи предикатной функции: имена прилагательные, глаголы, имена существительные с качественно-оценочной семантикой, наречия и др.

Интерес представляют окказиональные антитезы, в которых архисема парадоксальности проявляется в «необычном» употреблении имен существительных, обычно используемых в идентифицирующей функции. Этот эффект парадоксальности сближает оксюморон и антитезу как представителей одного «рода войск». «Я знаю, что жизнь – это солнце и тучи, огонь и вода, добро и зло, движение. Борьба...» (В.Корнилов).

В приведенном примере слова «солнце», «тучи», «огонь» и «вода» употребляются в переносном, неназванном значении, как и имена прилагательные в метафорическом эпитете. Оценочный характер имплицитного признака данных конкретных имен существительных, приобретенный во вторичной функции, переводит их в разряд эстетических языковых знаков.

Необычный характер выбора эпитета в бинарной атрибутивной конструкции оксюморона позволяет сравнить его с катахрезой. Катахреза (из греческого – «неправильное употребление слова») – сочетание противоречивых, но не контрастных по природе слов, понятий, выражений, вопреки их буквальному значению. Например, «красные чернила» [14. С. 13].

В отличие от смысловой структуры оксюморона, построенной на противоречии признаков определяемого и определяющего, приводящем к их взаимоисключению, в семантике компонентов, составляющих катахрезу, противопоставленных признаков нет. Парадоксальность обусловлена необычностью эпитета к имени существительному, сосуществованием рядом слов, не характерных для речевого коммуникативного узуса, точнее, окказиональным употреблением определяемого. Ср: «сиреневый туман», «малиновый звон», «розовые мечты», «зеленая тоска», «синий иней», «оранжевое море», «голубая луна» и другие.

Как видно из приведенных примеров, в катахрезе в качестве атрибута к денотату существительного охотно выступают цветовые прилагательные в прямом значении. Эта особенность отличает ее от метафорического эпитета, в котором имя прилагательное — эпитет употребляется в переносном значении и выполняет вторичную характеризующую функцию. (Ср: «Золотые часы» и «золотая осень»), где в первом словосочетании прилагательное выполняет идентифицирующую функцию, а во втором – предикатную.

«Нарушения» катахрезой устоявшихся в речевой практике соединений слов, актуализированные и условно принятые художественной речью, придают ей статус образного средства. Например: «Генеральша сидела, глядела на него во все толстые изумленные глаза» (В.Крестовский, «Петербургские трущобы»); «Ты такая простая, как все, как сто тысяч других в России. Знаешь ты – одинокий расцвет, знаешь холод осени синий» (С.Есенин).

Специфика и пафос катахрезы – в ее эксклюзивности. Неожиданность и парадоксальность сближения, казалось бы, принципиально чуждых признаков и понятий является средством передачи особенностей видения мира художниками слова. Они заимствуют средства творческой выразительности у живописцев, обогащая язык сложными и необычными, иногда противоречивыми образами, расширяя границы цветовой гаммы видения мира, выражая одухотворенную мысль непривычным способом, освобождая от стереотипов и клише, направляя на пересмотр ценностных иерархий в современном пространстве бытия.

Собственно, языковая значимость катахрезы заключается в том, что она раздвигает установленные условные границы лексической сочетаемости, помогает выделить новые признаки и качества в описываемых понятиях на разных функциональных срезах, обогащает литературный язык яркими образными средствами.

Заключение

Анализ, проведенный на поверхностном и глубинном уровнях фигуры речи, именуемой «оксюморон», позволяет сделать следующие выводы:

1. Классическая внешняя модель оксюморона представлена атрибутивной конструкцией (A+S), где качественное имя прилагательное употребляется в прямом значении и выполняет функцию эпитета.

2. В основе образной природы оксюморона лежит феномен парадоксальности.

3. Эмоционально-логической основой парадокса является противоположность и противоречие.

4. Эти признаки в определенной мере объединяют оксюморон, метафорический эпитет, антитезу и катахрезу.

5. Образность оксюморона, выявленная на глубинном уровне, строится на «скрытой» антонимии эпитета-прилагательного по отношению к имплицитному, но осознаваемому стержневому признаку, содержащемуся в смысловой структуре денотата, обозначенного именем существительным. В результате столкновения в одном понятии двух взаимоисключающих признаков происходит нейтрализация прежнего и возникновение нового понятия-фантома, не имеющего в тексте актуализированного определения.

6. Диффузный характер образной сущности оксюморона, совмещающего признаки эпитета, антитезы и катахрезы, позволяет, по нашему мнению, признать его политропом.

7.Оксюморон занимает заметное место в палитре вербальных изобразительных средств. Амбивалентный характер образного потенциала придает ему изящность, изысканность и загадочность, способствует его привлекательности в виртуальном пространстве художественного текста.

Литературы:

1. *Арнольд И.В*. Стилистика современного английского языка. – Ленинград: Просвещение, 1972. – 304 с.

2. *Пастернак Е.Л.* «Риторика». Б. Лами в истории французской филологии. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 329 с.

3. Аристотель. Риторика. – Москва: Русская панорама, 2002. – 329 с.

4. *Арутюнова Н.Д. Я*зыковая метафора (синтаксис и лексика) / В кн.: Лингвистика и поэтика. – Москва: Наука, 1979. – 312 с.

5. *Барт Р*. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – Москва: Издательская группа Прогресс-Универс, Рея, 1994. – 616 с.

6. *Хомский Н.* Синтаксические структуры. / В кн.: Новое в лингвистике. Выпуск 2. – Москва: Прогресс, 1965. – 590 с.

7. *Федосеева Г.В., Ершова Г.И.* К вопросу о литературном парадоксе // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А.Есенина. – 2013. – № 1 (38). – С. 83–92.

8. Краткая литературная энциклопедия. В 9 томах. Том 5. / Под ред. А.А.Суркова. – Москва: Советская энциклопедия, 1968. – 976 с.

9. Литературная энциклопедия. В 11 т. Том 8. / Гл. ред. А.В.Луначарский. – Москва: Советская энциклопедия, 1934. – 368 с.

10. *Павлова Н.В.* Семантика оксюморона. – Москва: Наука, 1979. – 290 с.

11. *Аюпова Г.Б*. Коммуникативно-прагматическое и лингвокультурологическое исследование оксюморона в английском и русских языках. Автореферат диссертации доктора философии по филологическим наукам (PhD). – Андижан, 2024. – 54 с.

12. *Пренова Г.Б.* Отличие оксюморона от антитезы в узбекском языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 17 (271). Филология. Искусствоведение. Вып. 66. – С. 104–106.

13. *Saminov A.I.* Oksyumoronning semantik xususiyatlari // FarDU ilmiy xabarlar. – 2023. – № 3. – B. 261–265.

14. *Квятковский А.* Поэтический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.

STRUCTURAL MODEL AND SEMANTIC NATURE OF OXYMORON

Vitaliy A. Karashuk[1], Uktamoy Sh. Bakhodiriy[1]

Ilmiy xabarnoma. Seriya: Gumanitar tadqiqotlar – Scientific Bulletin. Series: Humanitarian Studies. 2026. 1(93). 83-90.

[1]Andijan State University, Andijan, 170100, str. University, 129 (Uzbekistan). E-mail: agsu_info@edu.uz

Key words: *paradox, oxymoron, metaphorical epithet, catachresis, antithesis.*

This article presents a study conducted in the fields of linguistics and literary theory, aiming to uncover the mechanism by which the aesthetic category of imagery is formed in the verbal construction of an oxymoron, as well as in related metaphorical epithets, antithesis, and catachresis. The study is based on the logical-philosophical phenomenon expressed by these figures: the paradox—a judgment in which the conclusion contradicts the premise, creating an unexpected and unusual usage. An essential aspect of poetic language is its presuppositional nature, or incomplete definition, generated in the text by stylistic figures. According to Noam Chomsky, these can be classified as «semi-grammatical» or «deviant» structures (structures generated by the violation of grammatical rules).

The functioning of these structures in literary texts has received increased attention in the modern humanities due to their anthropocentric focus. Researchers are attempting to clarify, expand, and reclassify expressive means. Among these, the aforementioned aesthetic constructs occupy a special place, as their semantics and expressive connotations are determined by the phenomenon of paradox. Currently, there is no definitive or generally accepted theory of the oxymoron.

This article notes the increased interest of philologists in this figure of speech. The study was conducted within the framework of lexical semantics using material from the Russian, English, and Uzbek languages. Employing the opposition method, descriptive and comparative methods, as well as distributional and componential analysis, the research examines the structure and semantics of the oxymoron at both superficial and deep levels in comparison with metaphorical epithets, antithesis, and catachresis, all of which share a motivational basis.

This approach to studying the oxymoron within the scope of these figures of speech allows for the clarification of the specifics of its figurative potential formation and the characteristics of its aesthetic function. Lexicographic sources define the oxymoron as a stylistic figure consisting of words with contrasting meanings that create a new concept, such as «hot ice». Unlike the metaphorical epithet «hot person», in the construction «hot ice», the use of the adjective «hot» is phraseologicall bound. It functions as an antonym not to the word «ice» itself, but to the implicit meaning-forming feature of the denotation: «ice» is a cold substance. The opposition «hot – cold» arises in the semantic structure of the noun «ice», creating a paradoxical effect.

The specific expression of opposition in an oxymoron distinguishes it from antithesis. While both express the idea of opposition, they differ structurally and semantically. Antithesis is built on the juxtaposition of homogeneous contrasting features expressed by words of the same lexical and grammatical class, specialized in performing a predicate function: adjectives, verbs, nouns with qualitative-evaluative semantics, and adverbs (e.g., high–low, smart–stupid, enter–exit, far–close).

The oxymoron is similar to occasional (contextual) antithesis, in which the archiseme of paradox manifests itself in the «unusual» use of nouns with an identifying function: «...life is sun and cloud, fire and water...» (V. Kornilov).

The unusual nature of the choice of epithet in the binary attributive construction of an oxymoron allows for its comparison with catachresis. In the semantics of the components that make up catachresis, there are no contrasting features. The paradoxical effect arises from the selection of an «unusual» epithet for a noun, juxtaposed with words not typical of ordinary speech: lilac mist, green melancholy, blue moon.

A surface-level and deep-level analysis of the figures of speech known as oxymorons, metaphorical epithets, antithesis, and catachresis leads to the following conclusions.

References:

1. Arnold, I.V. (1972) Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka [Stylistics of Modern English]. Leningrad: Prosveshchenie.

2. Pasternak, E.L. (2002) “Ritorika”. B. Lamy v istorii francuzskoj filologii [«Rhetoric». B. Lamy in the History of French Philology]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul’tury.

3. Aristotle. (2002) Ritorika [Rhetoric]. Moscow: Russkaya panorama.

4. Arutyunova, N.D. (1979) Yazykovaya metafora (sintaksis i leksika) [Language Metaphor (Syntax and Lexicon)]. In: Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. Moscow: Nauka.

5. Barthes, R. (1994) Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Izdatel’skaya gruppa Progress-Univers, Reya.

6. Chomsky, N. (1965) Sintaksicheskie struktury [Syntactic Structures]. In: Novoe v lingvistike [New in Linguistics]. Issue 2. Moscow: Progress.

7. Fedoseeva, G.V., Ershova, G.I. (2013) K voprosu o literaturnom paradokse [On the Question of Literary Paradox]. Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A.Esenina. No 1 (38). Pp. 83-92.

8. Surkov, A.A. (ed.) (1968) Kratkaya literaturnaya enciklopediya [Brief Literary Encyclopedia]. Vol 5. Moscow: Sovetskaya enciklopediya.

9. Lunacharsky, A.V. (ed.) (1934) Literaturnaya enciklopediya [Literary Encyclopedia]. Vol 8. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia.

10. Pavlova, N.V. (1979) Semantika oksyumorona [Semantics of Oxymoron]. Moscow: Nauka.

11.Ayupova, G.B. (2024) Kommunikativno-pragmaticheskoe i lingvokul’turologicheskoe issledovanie oksyumorona v anglijskom i russkih yazykah [Communicative-pragmatic and linguacultural study of oxymoron in the English and Russian languages]. Abstract of Dissertation of the Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences. Andijan.

12. Prenova, G.B. (2012) Otlichie oksyumorona ot antitezy v uzbekskom yazyke [The difference between oxymoron and antithesis in the Uzbek language]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. No 17 (271). Philology. Art Criticism. Issue 66. Pp. 104-106.

13. Saminov, A.I. (2023) Oksyumoronning semantik xususiyatlari [Semantic features of oxymoron]. FarDU ilmiy xabarlar. No 3. Pp. 261-265.

14. Kvyatkovsky, A. (1966) Poeticheskij slovar’ [Poetic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya.

Сведения об авторах:

КАРАЩУК Виталий Александрович – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Андижанского государственного университета.

БАХОДИРИЙ Уктамой Шерзодбек кизи – магистрант кафедры русского языка и литературы Андижанского государственного университета.